

СОВРЕМЕННОЕ ДОВЕРИЕ: СОДЕРЖАНИЕ И КРИЗИС

ТАРАСЕВИЧ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии,
Национальная металлургическая академия,
Украина (Днепропетровск),
e-mail: v_tarasevich@list.ru

Рассматривается эволюция, содержание и кризис отношений доверия. Внимание акцентировано на институциональной составляющей «треугольника» доверия, а также эндогенных причинах и признаках его кризиса.

Ключевые слова: институты; доверие; поведение.

The evolution, matter and crisis trust relations are considered. The attention is accented to institutional component of trust “triangle” and internal reasons, signs of trust crisis.

Keywords: institutions; trust; behavior.

Коды классификатора JEL: B52, D01, O31.

Мировой экономический кризис и его национальные особенности заметно актуализировали проблематику доверия не только в политике и бизнесе, но и в научном сообществе. На мой взгляд, назрел качественный скачок от преимущественно феноменологического к преимущественно ноуменологическому этапу исследований доверия, от доминирования чувственно-сознательного восприятия доверия как одного из плодов неэкономического империализма к приоритетам сущностно-содержательного осмысления доверия и его институциональной природы с использованием базовой методологии фундаментальной экономической науки¹. Разумеется, определение любой категории контекстуально, поиск ее сущности предполагает применение различных методов, и только неизвестному нам пророку известна истина. Поэтому представленные в статье результаты изучения сущностных и институциональных характеристик доверия с использованием деятельностного, эволюционного и семиотического подходов должны оцениваться как предварительные и требующие дальнейшей верификации так же, как и соображения о кризисе доверия и возможных путях его преодоления.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ И «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» ДОВЕРИЯ

Уже первичный семиотико-герменевтический анализ термина — символа «доверие» не оставляет сомнений в его специфической *составности*. Корень «вер» характеризует его «родовое», базовое содержание, своеобразный генотип, который, с одной стороны, не подвержен системным, посягающим на его идентичность изменениям, а с другой — задает определенный набор смыслов, которые актуализируются в соответствующих контекстах. Речь идет, по крайней мере, о трех взаимозависимых значениях: 1) *вера*, прежде всего, религиозная, которая, по Апостолу Павлу, «...есть осуществ-

¹ Следует признать, что определение доверия посредством категорий «ожидание», «убежденность», «внушение», «зависимость» и других, в том числе психологических и этических (Обзор основных трактовок доверия см. напр.: (Мельник 2009, 71–75), отражает отдельные видимые феномены доверия, а не его генетические, «родовые» характеристики.

вление ожидаемого и уверенность в невидимом» (*Евр.* 11,1); 2) *верно* или правильно, безошибочно; 3) *верность* как преданность.

Приставка «до» несет двойную смысловую «нагрузку»: во-первых, акцентируется внимание на *предшествующих* доверию *образованиях*, его зародышевом состоянии, той клетке, из которой доверие появилось на свет и содержание которой удерживает в себе «пожизненно». Во-вторых, значением «*дополнительно*» приставка «до» позволяет обозначить выход доверия за «родовые» границы, рождение с его участием новых образований человеческого духа, некоторыми элементами которых доверие обогащает свое содержание.

Вышеизложенное лишь намечает ориентиры фундаментального осмысления доверия. Если воспользоваться результатами экунических исследований (*Тарасевич* 2008, 121–287) и выделить три последовательно-параллельных этапа исторической коэволюции человеческой деятельности, сознания и институтов (см. рис. 1), то феномены доверия могут трактоваться как поверхностные формы его исторически определенных атрибутивно-ноуменальных оснований. В самом деле. Предчеловеческое бессознательное инстинктивное поведение предшествует доверию, представляет его своеобразную «утробу», в которой его «зародыш» пребывает вплоть до момента рождения. Рождением и взрослением, обретением собственной идентичности доверие «обязано» протожизнедеятельности, как единству метаповедения и преддеятельности. Именно в вербально-генетическом, чувственно-сознательном началах человеческого духа и адекватных им протоинститутах (традициях, культах, ритуалах, нормах, правилах, обычаях и т. п.) доверие обретает субстанцию и самость. Взаимоположные деятельность, вербально-теоретическое сознательное и собственно институты более адекватны постдоверию, но именно в них доверие черпает «вещество и энергию» развития и самоутверждения в современном мире. Таким образом, находясь в трехмерном темпоральном пространстве деятельности, сознания и институтов, содержание современного доверия представляет собой синтез их особых (но адекватных «родовой» идентичности доверия) исторических образований, которые возникают на определенных этапах коэволюции и кумулятивно усложняются от этапа к этапу. Разумеется, столь абстрактные послы требуют соответствующей конкретизации.

Истоки доверия теряются в глубинах бессознательного как досознательного,

Рис. 1. Этапы коэволюции деятельности, сознания и институтов

которое продуцировалось проточеловеческим поведением и потому упорядочивало последнее. Речь идет о первичных психофизиологических образованиях, прежде всего, инстинктах, как невербально-генетических, не опосредованных разумом реакция протосубъекта на внешние раздражители. Зачатки доверия протосубъекта А к протосубъекту Б появляются там и постольку, где и поскольку протосубъект Б вызывает у протосубъекта А своеобразную животную симпатию — торможение одной группы инстинктов, например, инстинктов самосохранения, голода, агрессии, и возбуждение, катализацию иной группы, например, инстинктов продолжения рода, игры, сотрудничества, сострадания.

В той мере, в которой в жизнедеятельности современного человека представлено проточеловеческое поведение, а в его духе — коллективное бессознательное, иррациональное, в доверии как институте воплощено *инстинктивное* начало. В нормальных общественных условиях, будучи сублимированным и подавленным мощными пластами человеческой культуры, прото- и собственно институтов, оно скрыто от любопытных глаз и далеко не всегда освещается прожектором научной абстракции. В периоды же массовой декультурализации и десоциализации, политических, институциональных расколов и экономических катастроф, когда животная ипостась человеческой природы выходит из-под контроля человека, инстинктивное начало становится доминирующим и определяющим. Впрочем, и в нормальных условиях экономические субъекты нередко руководствуются в своих действиях именно иррационально-аффективным атрибутом доверия и проточеловеческими симпатиями².

Развитие метаповедения и преддеятельности, формирование на этой основе вербально-генетического и чувственно-сознательного начал человеческого духа детерминируют становление и утверждение *веры*, как особого способа человеческих действий, а также процесса и результата постижения человеком окружающего мира. Особость эта многолика, но для нас принципиально важен такой атрибут веры, как эмоциональное осознание субъектом истинности дескрипции (*Левин* 2008, 84) или описания, восприятия различных феноменов окружающего мира, — и трансцендентных, и реальных, «посюсторонних».

Доверие, как и религиозная вера, — особая составляющая веры. Но, если объектом и предметом религиозной веры является Абсолют, сверхъестественное, ненаблюдаемое, потустороннее, то доверию имманентна область реального и наблюдаемого. *Доверие выражает* не отношение человека к Абсолюту или человека к человеку по поводу Абсолюта, а *особый пласт отношений человека к человеку, межсубъектных отношений в связи с вербально-генетическим и чувственным осознанием одним субъектом истинности или правильности дескрипции (описания, образа) себя самого или иного субъекта и/или своих и его действий (их условий, средств, процесса и результатов)*. Доверие представляет чувственно-эмоциональный «срез», аспект истины. Субъект воспринимает и осознает чувственно постигнутый им образ себя самого или иного субъекта как истинный, правильный и сохраняет приверженность, верность этому образу до тех пор, пока обыденный опыт не станет антагонистичным последнему.

Многokrратно доказавшая свою правильность дескрипция, очищенная повседневным опытом от нежизнеспособных и случайных, привнесенных элементов, рано или поздно трансформируется в *прескрипцию* — предписание, норму³, а в более фундаментальном плане — в *протоинститут*. Система протоинститутов, как известно, форми-

² Это обстоятельство играет немаловажную роль в попытках определения сущности доверия посредством таких понятий, как «ожидание», «желание» и т. п.

³ Этот аспект доверия фиксируется в его определении как понятия, выражающего убежденность субъекта в приверженности иного субъекта нравственным предписаниям и нормам (порядочность, правдивость, ответственность и др.).

рует основы социально-экономического генотипа или менталитета социальной стра-ты, этноса, народа. Протоинституты доверия — отнюдь не исчерпывающая, но про-низывающая менталитет составляющая. Принимая то или иное решение, в том числе хозяйственное, субъект сверяет свое описание (образ) иного субъекта (его действий) не только с ним самим, но и с общепринятыми протоинститутами. Протоинституты доверия (например, в обыденной жизни — уважение к старшим, подчинение воле родителей, в экономической деятельности — верность слову, обязательность испол-нения обещаний, строгое следование нормам профессиональной этики и т. п.), с одной стороны, облегчают процедуру выбора эффективного варианта действий, а с другой — в значительной мере способствуют успеху последних.

Итак, вербально-генетическая и протоинституциональная среда и адекватные ей действия рождают доверие и сообщают ему идентичность. Поэтому в доверии весьма значима, даже определяющая протоинституциональная составляющая. Бо-лее того, каждый протоинститут включает тот или иной аспект, «срез» доверия, а некоторые из протоинститутов являются *alter ego* доверия, формами выражения и реализации его содержания. Означает ли это, что, родившись в традиционном обществе, доверие имманентно прежде всего и только ему? «Прежде всего» — безу-словно, но не только ему.

Протоинституциональное в доверии — и исторический факт, и современная реаль-ность. Речь идет не только о сохраняющихся и поныне традиционных обществах. По-добно инстинктам протоинституты доверия не уходят в небытие, а продолжают упор-ядочивать жизнедеятельность в индустриальных и постиндустриальных обществах. Их изначальная закреплённость в нервной ткани сохраняется, а потому современный человек, как и его предок, является *непосредственным носителем* доверия, а генера-ционная трансляция последнего осуществляется в результате живого и не обязательно вербального контакта, ничем не опосредованной связи между людьми. Протоинсти-туты доверия и «пронизанные» доверием протоинституты — важная составляющая общечеловеческого начала современного общества. В эпохи крушения собственно ин-ститутов они препятствуют «одичанию» человека, его срыву в тварное состояние, вы-полняют важную функцию обуздания животных инстинктов, охранения социального от биологического. Если же обрушивается и доверие, человек остается один на один с инстинктами.

Доверие — важная предпосылка инноваций. Разумеется, в современном дина-мичном обществе инновации возможны только на основе традиций: диалектически снимая последние, инновации утверждают свою нетрадиционность, что невозможно при низвергнутых традициях. Но дело не только в этом. Начиная с Нового времени, доверие активно изменяется, ассимилируя в свое содержательное ядро принципиально новые элементы. Этот процесс ускорился в индустриальную эпоху, а в современных условиях он становится императивным. О чем идет речь?

Традиционное доверие, как и вера, во многом определяется желаниями, надеждой, любовью и другими ипостасями человеческого духа, которые по преимуществу нахо-дятся за пределами рационального и вербально-теоретического. *Современное* доверие, сохраняя традиционную идентичность, не может не отвечать на вызовы рации подобно тому, как протоинституциональное упорядочивание экономической деятельности без соответствующих собственно институтов не может быть достаточно эффективным. Доверие находится в орбите объективных процессов взаимопроникновения преддея-тельности и деятельности, чувственно-сознательного и вербально-теоретического, протоинституционального и собственно институционального, а потому изменяется, оставаясь самим собой.

С одной стороны, в соответствии с парафразом «*Доверяю, чтобы понимать*» известного тезиса Ансельма Кентерберийского «*Верю, чтобы понимать*», доверие становится императивной предпосылкой рационального знания, научного поиска, целенаправленного формирования собственно институтов. Речь идет, в частности, о доверии к показаниям органов чувств, способам конструирования опыта и эксперимента, научным результатам⁴, способам и механизмам институциональной деятельности. Основанные на доверии действия способны создавать новую реальность (*Лекторский 2007, 17*), которая может быть вполне рационально устроенной.

С другой стороны, доверие возникает и/или укрепляется на основе рациональных доводов. Следовательно, научное знание выступает императивной предпосылкой доверия. «*Понимаю, чтобы доверять*» — этот парафраз тезиса Пьера Абеляра весьма точно отражает процесс «рационализации» доверия. Содержание последней состоит не столько в том, что исчерпывающие научные доводы превращают доверие в уверенность, сколько в объективной ассимиляции доверием элементов вербально-теоретического и рационального. Метаинстинктивная и протоинституциональная составляющие доверия дополняются собственно институциональной, как продуктом целенаправленной институциональной деятельности. В этом смысле пророческой представляется концепция «разумной веры» Л. Толстого. Для него неприемлемы взятые сами по себе и абсолютизированные упомянутые идеи А. Кентерберийского и П. Абеляра. Перефразируя А. Гусейнова, можно утверждать, что Л. Толстой доверяет, чтобы понимать, и понимает, чтобы доверять. У него разум проверяется, испытывается доверием, а доверие проверяется, испытывается разумом (*Степаняни 2007, 11–12*).

Таким образом, *современное доверие* — продукт и предпосылка взаимосвязей метаповедения, преддательности, человеческого поведения и деятельности; синергетический синтез коллективного бессознательного, вербально-генетического, чувственно-сознательного и вербально-теоретического; а также метаинстинктивного, протоинституционального и собственно институционального. В своеобразном «треугольнике» доверия (далее — ТД) (см. рис. 2) ключевая (2) вершина представлена взаимоположными (2.1) метаповедением и преддательностью, (2.2) вербально-генетическим

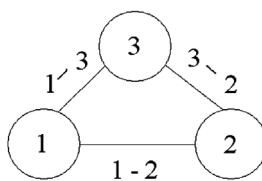

Рис. 2. Схема «треугольника» доверия

и чувственно-сознательным, (2.3) протоинститутами как единством метаинстинктивной и прединституциональной составляющих. Эта (2) вершина отражает «родовую» идентичность доверия, его «жесткое» ядро, с потерей которого доверие умирает. (1) вершина характеризует зародышевое состояние доверия, прошлое в настоящем. Речь идет о взаимоположных (1.1) собственно поведении, (1.2) коллективно-бессознательном и невербально-генетическом, (1.3) инстинктах и других психофизиологических образованиях. (3) вершиной представлено нетрадиционное, инновативное начало доверия как единство взаимоположных (3.1) человеческого поведения и деятельности, (3.2) чувственно-сознательного и вербально-теоретического, (3.3) собственно институтов. Пучки взаимосвязей вершин (1) и (2), (1) и (3), (2) и (3) образуют соответствующие

⁴ Таким образом доверие способствует формированию знания на основе свидетельства (см.: *Чокробротти 2007, 20–31*)).

щие стороны ТД, которые, в свою очередь, выступают их (взаимосвязей) своеобразными каналами.

Как видим, современное доверие — весьма сложное, многомерное образование, динамичная устойчивость и существование которого невозможны без поддержания определенных оптимальных соотношений между вершинами и сторонами ТД, известного уровня их взаимной адекватности. Частные, несистемные флуктуации, обеспечивающие динамизм ТД и исходящие, главным образом, из его (3) вершины, столь же необходимы для отвечающей духу времени инновативности, сколь не допустимы чреватые разрушением ТД системные нарушения взаимоположностей вершин и разрывы пучков взаимосвязей.

О КРИЗИСЕ ДОВЕРИЯ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ

В эпохи кардинальных перемен наиболее быстрые и существенные сдвиги происходят в (3) вершине ТД⁵. Так, по историческим меркам практически мгновенно были разрушены сформированные в советский период и собственно институты доверия, и собственно институциональная составляющая доверия⁶. Легальные протоинституты доверия утратили официальную легитимность, а нелегальные, задаваемые, — последней ориентиры. В условиях собственно институционального вакуума и разрыва вследствие этого многих взаимосвязей в пучках (3–1) и (3–2) заметно возрастает значимость (1) и (2) вершин ТД, а также пучка взаимосвязей (1–2). Доверие «освобождается» от сознательно сформированной собственно институциональной «надстройки» и возвращается в близкое раннему традиционному обществу состояние.

Продолжающиеся и поныне попытки заполнения вакуума весьма неоднозначны. Разумеется, не вызывает сомнений необходимость новой институционализации доверия, обеспечивающей его постепенную эволюцию в постиндустриальном направлении. Однако доминирование во вновь образованной (3) вершине ТД импортированных собственно институтов отнюдь не означает формирование органичных взаимосвязей в каналах (3–2) и (3–1). При прочих равных условиях, чем значимее роль импортированных собственно институтов в (3) вершине ТД, тем ощутимее институциональные *разрывы* в каналах (3–1) и (3–2), а также *раскол доверия* на формальную (в прямом смысле слова) институциональную «надстройку» и реальные, базовые основания. Направленная на создание первой институциональной деятельности преследующей узко корпоративные цели политической элиты, как правило, не одобряется большинством граждан и экономических субъектов, которые, вопреки лозунгам демократизации, так и не стали полноправными субъектами институциональной деятельности. *Общее правило* банально: политическая элита, не обеспечивающая потребную полноту и органичность институтов доверия, не может рассчитывать на доверие граждан.

Разумеется, не все импортированные собственно институты не совместимы с *национальными* протоинститутами доверия. Но совместимые пока не доминируют, а потому не способны эффективно противостоять *гибридизации и мутациям* протоинститутов доверия. Речь идет, во-первых, о попытках формирования протоинститутов доверия, адекватных импортированным собственно институтам. Даже в случае успеха вновь рожденные протоинституты попадают в неадекватную среду и под угрозой гетерофобии вынуждены адаптироваться и таким образом мутировать. Во-вторых, мутируют и некоторые «родовые» протоинституты доверия, ибо испытывают длительное

⁵ В дальнейшем внимание акцентируется на институциональных аспектах изменений.

⁶ Далее для краткости принимается, что термины «собственно институты доверия» и «протоинституты доверия» включают понятия соответственно «собственно институциональная составляющая доверия» и «протоинституциональная составляющая доверия».

и активное воздействие импортированных собственно институтов, а также рожденных ими протоинститутов. В-третьих, даже адаптируясь к «родовым» протоинститутам, импортированные собственно институты и адекватные им протоинституты не перестают быть гибридами, лишенными родной почвы, а потому отторгаемыми.

Вышеизложенное означает, что выстраиваемые с помощью импортированных собственно институтов взаимосвязи (3–2) с самого начала поражены институциональным «вирусом». Раскол доверия сопровождается серьезным «вирусным» заболеванием его «родового» ядра. Способно ли расколотое и недомогающее доверие выдерживать экономические, социальные и политические перегрузки эпохи перемен? Риторический вопрос. Упорядочивающая и сублимационная значимость мутирующих протоинститутов доверия снижается, а потому неизбежно усиливается торможение инстинктов, споспешествующих доверию, и катализация инстинктов агрессии, самосохранения, конкуренции как борьбы за выживание любой ценой.

Ослабление (3) вершины ТД имеет еще один принципиальный аспект. Речь идет о заметной деградации вербально-теоретического начала массового сознания, как неизбежного следствия ухудшения качества среднего и высшего образования. Абсолютизация формальных аспектов Болонского процесса (например, кредитно-модульной системы) сопровождается пренебрежением качественными характеристиками знаний учащихся и студентов. Поэтому большинство выпускников вузов не обладает конкурентоспособным уровнем рационального, научного мышления, что неизбежно сужает социальную базу (3) вершины ТД со всеми вытекающими негативными последствиями для экономической деятельности и ее результатов. Доверие на основе научных доводов не играет необходимой роли, а потому обычными и массовыми становятся нерациональные и «рациональные» экономические действия (например, 100% предоплата, предпочтение хранить сбережения не в коммерческих, а стеклянных банках, «откаты» и т.п.), возрастание уровня транзакционных издержек и снижение экономической эффективности. Ослабление вербально-теоретического начала массового сознания заметно снижает степень его устойчивости, «иммунитет» по отношению к различного рода технологиям и процедурам манипулирования, эмоциональным срывам, аффектам и т. п.

Негативные импульсы, продуцируемые (3) вершиной ТД и транслируемые по каналу (3–2) к (2) вершине ТД отторгаются последней лишь отчасти, поскольку в эпоху перемен протоинституты доверия *самоизменяются* значительно интенсивнее, чем в эпоху стационарной стабильности, а потому их способность к гетерофобии ослабляется. Самоизменение предполагает существенную трансформацию строения и структуры (2) вершины ТД. Во-первых, возникновение и взросление новых протоинститутов доверия является не безболезненным. С одной стороны, их молодость и незрелость не позволяет им в потребной мере выполнять «возложенные» на них функции упорядочивания межсубъектных взаимодействий. С другой стороны, их сосуществование со «старыми» протоинститутами отнюдь не безконфликтно, и в неизбежном противостоянии старого и нового в некогда единой и преимущественно однородной «ткани» доверия образуются опасные разрывы, по которым по каналу (1–2) «просачиваются» инстинкты, претендующие на выполнение протоинституциональных функций.

Во-вторых, в процессе интенсивной социальной стратификации формируются *специфические*, адекватные определенным социальным стратам протоинституты доверия. Например, таковые в предпринимательской среде заметно отличаются от таковых в коллективах наемных работников. В условиях фронтальных институциональных изменений, ослабления *общезначимых* протоинститутов и собственно институтов доверия совместимость и взаимная адаптация указанных специфических протоинститутов

весьма затруднительна. Подобная *дифференциация* протоинститутов доверия существенно опережает формирование и вызревание *интеграционных* собственно институтов и протоинститутов, которые призваны упреждать и/или нивелировать антагонизм специфических протоинститутов, обеспечивать цивилизованные формы движения их противоречий, а также *динамичное единство институтов доверия*⁷.

Безусловно, обозначенное отражает лишь малую толику изменений в (2) вершине ТД. Однако, на мой взгляд, этого вполне достаточно, чтобы представить сложность, неоднозначность, хаотичность влияний и сигналов, транслируемых из (2) вершины ТД по каналам (2–3) и (2–1) к (3) и (1) вершинам ТД соответственно. Такие сигналы, с одной стороны, существенно усложняют выработку адекватных собственно институтов доверия, а с другой — повышают степень неустойчивости и реактивности психофизиологической составляющей доверия. Дестабилизирующая ТД неустойчивость и реактивность его (1) вершины еще более опасна в условиях экономического кризиса, резкого снижения уровня жизни населения и неизбежного подавления базовых инстинктов выживания, а также высвобождения из институциональных и социальных «пут» инстинктов самосохранения, охотничьего, стадности и агрессии. Как убедительно показано П. Сорокиным (*Сорокин* 1992, 268–294), продолжительные периоды и каталитические формы такого подавления и «высвобождения» чреват взрывом иррационального, разрушением собственно институционального и протоинституционального слоя, а следовательно, — обрушением ТД.

Указанные негативные процессы в вершинах ТД во многом определяют характер взаимосвязей в каналах (1–2), (1–3), (2–3). Для высокого уровня общественного доверия характерно доминирование коэволюционных, коммуникативных и эпигенетических взаимосвязей, а также активная, но вспомогательная роль конкурентных и автопоэтических. В большинстве постсоветских обществ ТД присущи иные доминанты. Во всех каналах ведущую роль играют взаимосвязи конкурентно-антагонистические, гетерофобические, неорганически сукцессионные и симбиотические. Ведомыми являются коммуникативные, коэволюционные, конкурентно-коэволюционные и органически сукцессионные взаимосвязи, хотя в отдельных случаях, в краткосрочных периодах они могут доминировать.

Таким образом, реальный раскол между собственно институтами и протоинститутами доверия, многочисленные разрывы в протоинституциональном «теле» доверия, активизация его инстинктивных регуляторов, антагонистические несоответствия между вершинами ТД, преимущественно центростремительный характер связей между ними, другие негативные процессы в совокупности образуют глубокий *кризис доверия и его институтов*.

Разумеется, в эпоху общественных трансформаций и экономического кризиса возможны и необходимы не только потери, но и находки, инновации, негативы рожают новые шансы, а вызовы «беременны» ответами. Казалось бы дело за малым, — отобрать наиболее эффективные шансы, варианты действий и реализовать их. Однако проблемы доверия сложны не только сами по себе. В них концентрируются сложнейшие общественные процессы. В частности, речь идет не столько об экономическом кризисе, сколько о кризисе национальной идентичности, о драматическом становлении и укреплении нового независимого государства, украинской нации, их позиционировании в глобальном и цивилизационном мироустройстве. Совершенно очевидно, что без успешного продвижения в этих направлениях трудно рассчитывать на существенный рост общественного доверия.

⁷ Институт доверия суть синергетическое единство метаинстинктивной, протоинституциональной и собственно институциональной составляющих.

Поэтому рекомендации, имеющие прямое отношение к последнему, должны стать органической составляющей стратегии национального развития, программ политических и общественных действий. Прежде всего, необходима «тонкая» настройка продуцируемых собственно институтов с тем, чтобы они были способны: во-первых, в основном преодолеть упомянутый раскол и разрывы; во-вторых, периодически обновляться таким образом, чтобы, с одной стороны, служить «мостом» между национальными протоинститутами и собственно институтами мирового уровня, а с другой — постепенно «подтягивать» первые к последним, а последние адаптировать к первым; в-третьих, эффективно сублимировать психофизиологические «протуберанцы»; в-четвертых, гарантировать единство и динамичную устойчивость *институтов* доверия.

Активными субъектами институциональной деятельности должны стать не только политики и общественные деятели, но и рядовые граждане, экономические субъекты. Организации и институты гражданского общества являются незаменимой средой социального и экономического диалога, а потому — продуцентами разнообразных форм и инструментов отношений доверия. Особое значение имеет атмосфера толерантности и терпимости в культивировании институтов различных национальностей и религиозных конфессий, активизация контактов их представителей на основе общезначимых институтов и государственных приоритетов.

По результатам более фундаментальных исследований содержание и состав рекомендаций может быть изменен и дополнен, а степень их конкретизации должна определяться характером и направленностью той системы мер, неотъемлемой составляющей которых они (рекомендации) станут.

ЛИТЕРАТУРА

Левин Г.Д. (2008). Методологические принципы диалога материалистов с верующими // *Вопросы философии*. № 10.

Лекторский В.А. (2007). Вера и знание в современной культуре // *Вопросы философии*. № 2.

Мельник В.П. (2009). Факторы доверия и недоверия в хозяйствовании. В сб.: Научные труды ДонНТУ. Серия экономическая. Выпуск 3. Т. 1. Донецк.

Сорокин П.А. (1992). Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.

Степаняц М.Т. (2007). Знание и вера: многообразие культурных подходов // *Вопросы философии*. № 2.

Тарасевич В.Н. (2008). Экуника: гипотезы и опыты. М.: ТЕИС.

Чокроборти О. (2007). Мне сказал знаток, поэтому я знаю: передача знания через свидетельство в классической индийской и современной западной эпистемологии // *Вопросы философии*. № 2.